

Взглянув на Ми Юньцзиня иначе, У Ваньи понял: его безграничное терпение шло из самой глубины души, укорененное в вековой мудрости и покое. Одна его прежняя догадка подтвердилась полностью. Любое живое существо в этом мире казалось Ми Юньцзиню ребенком. Мало кто на земле мог сравниться с ним долголетием, а те редкие существа, что помнили более древние эпохи, всё равно не умели так долго оставаться людьми.

У Ваньи замер, пораженный внезапной мыслью.

«Интересно, каким ребенком я кажусь ему сам?»

Он невольно перевел взгляд на Ми Юньцзиня. Тот, ухаживая за цветами на клумбе, почувствовал это внимание и обернулся.

Стоило их глазам встретиться, как У Ваньи порывисто отвернулся, стараясь скрыть замешательство. Это вышло неосознанно, но оттого лишь сильнее выдавало его смущение. Вспомнив свои недавние безумные порывы, он досадно прикусил губу. Для Ми Юньцзиня он, должно быть, стал невыносимой обузой.

Однако Ми Юньцзинь ни разу не выказал и тени недовольства. Кормил ли он его с ложечки, помогал ли переодеться или бережно обтирал теплой водой — всё это он делал так просто и естественно, словно совершал самый обыденный ритуал.

У Ваньи медленно поднес пальцы к губам, едва касаясь их кончиков.

А еще...

Ми Юньцзинь относился ко всему живому с мягким трепетом и почтением.

«Но выделяет ли он меня среди остальных? Есть ли во мне для него хоть капля особенного?»

От этой мысли его бросило в дрожь.

Откуда в нем это?

Разве все его безумные фантазии о Ми Юньцзине не были лишь плодом воспаленного разума, отчаянной зацепкой смертельно больного человека?

У Ваньи поднял глаза и вновь посмотрел во двор.

Ми Юньцзинь склонился над цветами. Простая домашняя одежда мягко облегла его фигуру, а в лучах полуденного солнца он казался до того светлым и безмятежным, что сердце щемило.

К нему тянуло. Хотелось подойти ближе, коснуться, заключить в объятия.

Эти желания, раз возникнув, уже не отпускали.

У Ваньи заворуженно созерцал его тонкие брови, сияющие, глубокие глаза, изящную линию носа и влажные, алые губы.

Грудь затопило мягкое, как весенний прилив, тепло, ускоряя бег пульса.

Он поспешно отвел взгляд, силясь вернуть хладнокровие.

Но чем яснее становились мысли, тем отчетливее он осознал: это чувство — настоящее.

Возможно, виной тому были дневные размышления, но вечером, едва Ми Юньцзинь склонился к нему, У Ваньи отвел глаза.

Однако он позабыл, каким непреклонным бывал его покровитель, когда дело доходило до «кормления».

Ми Юньцзинь мягко, но твердо повернул его голову обратно, заставляя смотреть прямо в сияющую золотом глубину его глаз.

Прежде взору У Ваньи всё представало размытым: эти очи казались лишь яркими точками за плотной пеленой тумана. Теперь же он осознал — смертному не под силу долго выносить этот взгляд.

Вглядевшись в них однажды, рискуешь пропасть навсегда.

Горячее дыхание коснулось лица, мягкие губы накрыли его собственные, и у У Ваньи перехватило дыхание. Сердце на мгновение замерло.

Никогда еще его чувства не были обострены до такого предела.

Губы Ми Юньцзиня ласкали нежностью, теплое дыхание щекотало кожу. Стоило кусающим губам разомкнуться, как влажный, горячий кончик чужого языка скользнул внутрь, делясь живительной, сладкой влагой.

Раньше У Ваньи не понимал подобной близости — точнее сказать, презирал ее. Он не выносил чужих прикосновений и нерушимо оберегал личные границы от чужого вторжения.

Но Ми Юньцзинь дышал сладостью — тонкой, изысканной, переплетенной с густым ароматом цветов. Она кружила голову, лишая воли.

Сам того не замечая, У Ваньи заворуженно смотрел в золотые глаза напротив, его собственный взор затуманился истомой. Ми Юньцзинь не отводил взгляда, и их дыхание сливалось в единый, неразрывный выдох.

Горло У Ваньи судорожно дернулось. Теряя связь с реальностью, он чувствовал, что этот поцелуй длится целую вечность.

Наконец их губы разомкнулись. Ми Юньцзинь слегка отвернулся и негромко кашлянул.

Наваждение тут же спало.

Впрочем, лицо Ми Юньцзиня уже вернуло обычное спокойствие — ни тени смущения.

— Спи, — тихо произнес он.

Не глядя на спутника, он улегся в постель и вскоре затих, мерно вдыхая прохладный воздух.

У Ваньи лежал неподвижно. Вглядываясь в полумрак, где едва угадывались черты чужого лица, он еще очень долго не мог уснуть.

В полузабытьи У Ваньи окунулся в беззвучный сон.

Грезы его соткались из причудливых, ядовито-ярких красок. Вокруг все плыло, словно он оказался заперт внутри безумного живописного холста. В его грудь одновременно хлынули два полярных, сокрушительных чувства — торжество рождения и ужас угасания. Они стиснули сердце в тиски, сдавливая горло глухой, невыносимой духотой.

Резко вздохнув, У Ваньи распахнул глаза. Ми Юньцзинь стоял у окна, и яркие лучи утреннего солнца омывали его лицо, окутывая ослепительным золотистым ореолом.

— Доброе утро, — ласково произнес он, обернувшись на шорох.

Тяжесть, не дававшая дышать во сне, бесследно растаяла.

У Ваньи попытался вспомнить кошмар, но видения рассыпались прахом, не оставив и следа. Глядя на спокойное лицо Ми Юньцзиня, он с облегчением выдохнул и приподнялся на локтях.

— Доброе утро, — негромко отозвался он.

Ми Юньцзинь мягко улыбнулся.

С улицы ворвался свежий порыв ветра. Он всколыхнул его распущенные волосы, и в густой алой массе на мгновение мелькнуло несколько серебристо-белых нитей.

Хотя ночное наваждение растаяло без следа, тревожное эхо в груди упорно не утихало. У Ваньши пытался воскресить в памяти события прошлых дней, отыскать исток этого глухого беспокойства, но воспоминания распадались на тусклые, зыбкие кадры, подернутые белым шумом. Болезнь по-прежнему туманила разум, не позволяя сосредоточиться. Стоило погрузиться в размышления, как мысли путались, а сознание начинало ускользать.

Сейчас они неторопливо шли по широкой, тенистой аллее коттеджного поселка. Для У Ваньши это была первая прогулка с тех пор, как к ногам вернулась былая сила. Путь тянулся вдаль среди раскидистых крон; залиvistое щебетание птиц наполняло воздух хрустальной чистотой и покоем. У Ваньши шел, не отрывая взгляда от своего спутника, пока весь его внутренний взор не заполнил облик идущего рядом мужчины.

— Устал? — с улыбкой спросил Ми Юньцзинь, заметив его внимание.

У Ваньши спохватился и отвел глаза.

— Нет.

Короткая заминка стерла из его головы все прежние тревоги.

— Тогда почему ты так пристально на меня смотришь?

Он лишь прикусил губу и промолчал. В мыслях всё еще стоял образ Ми Юньцзиня — безмятежный, полный созерцательного величия.

Всё то, что казалось У Ваньши серым и обыденным, в глазах Ми Юньцзиня обретало скрытое дыхание жизни. Ему доводилось видеть искру в чужих глазах — огонь людей, влюбленных в этот мир, однако их пыл никогда не находил в его душе отклика. Взгляд Ми Юньцзиня был иным. Тот даровал безмолвное почтение любой крупице бытия. Будь то скромный стебелек сорной травы у обочины или редкий, изысканный цветок — он смотрел на них с одинаковой, щемящей теплотой.

Такому существу подобало бы жить среди тенистых лесов и бескрайних цветущих лугов. И все

же долгие столетия своего земного пути Ми Юньцзинь провел среди безжизненных, иссушающих песков пустыни. Быть может, именно поэтому его чистый восторг перед миром и всепрощающая нежность обладали столь притягательной, неодолимой силой. И У Ваньи ловил себя на том, что тонет в них без остатка.

Впереди показалась молодая пара из соседнего дома. Девушка, державшая на поводке собаку, приветливо помахала им рукой. Ми Юньцзинь тепло прищурился и помахал в ответ.

— Ой, а вам гораздо лучше! — весело поздоровалась девушка, стоило им поравняться.

В их прошлую встречу мужчина еще передвигался в инвалидном кресле.

У Ваньи не привык к чужому дружелюбию и совершенно не умел ладить с открытыми, жизнерадостными людьми. Он лишь сдержанно кивнул в ответ.

Но девушку ничуть не задела его холодность — она продолжала сиять ярче полуденного солнца.

— Господин У, а те цветы, что вы подарили нам в прошлый раз, можно высадить в саду? Они пустят корни? Будут цвести дальше?

— Конечно, — с улыбкой кивнул Ми Юньцзинь.

— Ах, как чудесно!

Ее восторг был столь искренним, что легко передавался другим. Это не было бурным весельем от какого-то радостного события — скорее тихое, глубокое упоение самим фактом бытия. Словно само ее существование приносило ей бесконечную радость.

У Ваньи этого не понимал.

— Господин У, а вам понравились те печенья? Если хотите, я позже занесу еще.

Стой. У Ваньи резко вскинул голову.

«Господин У?»

В ушах зашумело, приглушая голоса разговаривающих.

— Ну всё, идем, не будем мешать людям, — юноша с кроткой улыбкой покачал головой и, вежливо распрощавшись, мягко потянул спутницу за собой.

Девушка обернулась и, уходя, звонко крикнула:

— Господин У, до встречи!

— До встречи, — мягко отозвался Ми Юньцзинь.

У Ваньи смотрел на него в упор. Вопросы теснились в груди, но губы словно склеились.

Встретившись с ним взглядом, Ми Юньцзинь тепло улыбнулся.

— Ты сегодня весь день неводишь с меня глаз, — тихо произнес он. — Хочешь о чем-то спросить?

У Ваньи приоткрыл рот, но лишь покачал головой и отвернулся.

— Нет, ничего.

Однако мгновение спустя его взгляд вновь неудержимо вернулся к спутнику.

Ми Юньцзинь стоял посреди зеленой аллеи. Под ласковым дыханием ветра на его бледный, изящный палец бесшумно опустилась пестрая бабочка. Он чуть склонил голову, разглядывая гостью с той молчаливой, всеобъемлющей нежностью, которая умеет согревать без лишних слов.

И эта самая обыкновенная бабочка вдруг преобразилась — она больше не казалась хрупкой букашкой, которую можно раздавить одним движением. В ней проступили осязаемый вес, удивительная сила и упрямая воля к жизни.

Ветер взъерошил волосы на лбу У Ваньи и пронзил грудь прохладой.

Вопрос, над которым он так долго боялся задумываться и на который не надеялся найти ответ, внезапно обрел ясные очертания.

«Неужели я для этого огромного мира — то же самое, что бабочка для Ми Юньцзиня? Пусть бесконечно мал, но вовсе не ничтожен».

У Ваньи замер, ошеломленный собственным открытием, и вдруг тихо рассмеялся.

В этот миг на него нахлынуло столь острое, щемящее чувство, что к глазам подступили слезы. Он опустил взгляд на свою колеблющуюся тень на асфальте, созерцая ее в глубоком оцепенении.

Ми Юньцзинь скользнул по нему быстрым взглядом и вновь перевел взор на палец. Улыбнувшись, он слегка приподнял руку.

— Лети.

Бабочка взмахнула крыльями и взмыла в лазурную высь.

В тот же миг силы разом покинули У Вань. Напряжение последних дней, державшее его в тисках, бесследно испарилось, и тело безвольно обмякло.

Ми Юньцзинь мгновенно подхватил его под спину и легко поднял на руки.

Уткнувшись лицом в его грудь, У Вань услышал тихий вопрос:

— Устал?

Взглянув в золотистые глаза, склонившиеся над ним, он слабо разомкнул губы:

— Да.

Он смертельно устал.

— Тогда засыпай.

— Хорошо, — прошептал он, закрывая глаза.

Просто спать. И больше никаких снов.

Впервые в жизни У Вань спал так сладко.

Разомкнув веки, он увидел струящийся сквозь занавески мягкий свет. Тело наполняла непривычная, ленивая истома. Физические недуги, прежде терзавшие каждую мышцу, отступили, оставив лишь легкую, приятную слабость. Мысли текли медленно и плавно, без прежнего болезненного оцепенения.

Он коснулся пальцами губ — на них всё еще ощущался сладковатый привкус цветочной росы.

— Ми Юньцзинь... — невольно сорвался с его губ шепот.

Внезапно смутное предчувствие заставило его обернуться. Рядом, погруженный в глубокое забытие, лежал Ми Юньцзинь. Его ладони безвольно покоились на животе, бледное лицо казалось высеченным из чистейшего мрамора, а слабое дыхание было едва различимо. Он спал безмятежно и тихо.

Это был первый раз, когда Ми Юньцзинь не проснулся раньше него.

Внутри у У Ваньи всё похолодело.

«Разве божественному цветку нужен сон? Разве духи могут спать так крепко, уподобляясь обычным людям?»

Попытки осмыслить происходящее ни к чему не привели — разум вновь заволокло тревожным туманом.

— Ми Юньцзинь, — позвал он, склонившись к самому его уху. — Ми Юньцзинь...

В голове зашумело, сознание готово было сорваться в панику.

Но в этот миг ресницы Ми Юньцзиня дрогнули. Он медленно приоткрыл глаза и повернул голову.

— Доброе утро.

Оборвавшаяся было нить пульса вновь забилась ровно.

Пальцы У Ваньи перестали дрожать, и он тихо, слегка заторможенно выдавил:

— Доброе утро.

Ми Юньцзинь взгляделся в его лицо и слабо улыбнулся.

— Хорошо спалось?

— Да, — выдохнул У Ваньи.

— И сны тебя не тревожили?

Окончательно приходя в себя, У Ваньи качнул головой:

— Нет, в этот раз я спал безмятежно.

Ми Юньцзинь отвел взгляд и тихо вздохнул:

— Вот и славно.

Он оперся о матрас и сел. Длинная коса расплелась, и густые, мягкие, точно шелк, волосы хлынули по его спине до самой поясницы.

Огненный всполох ослепил У Ваньи. Он часто заморгал — среди этого багряного великолепия вдруг отчетливо мелькнула чистая, как первый снег, белизна.

— Ми Юньцзинь...

Слова замерли на языке. Волосы мужчины ровным потоком струились вдоль позвоночника, пряча алые кончики в глубине прядей, и те несколько серебряных нитей исчезли, точно мираж, рожденный его утомленным взором.

— Что случилось? — обернулся к нему Ми Юньцзинь.

— Ничего, — У Ваньи отвел взгляд и устало прижал ладонь ко лбу.

«Неужели и впрямь почудилось?»

Ми Юньцзинь молча скользнул взглядом по его склоненной голове и безучастно отвернулся.

Однако в лучах утреннего солнца скрытая проседь вновь проступила сквозь багряные пряди, сверкнув чистым серебром.

Белых волос у него стало гораздо больше, чем прежде.

Утреннее видение осталось в душе У Ваньи тревожным набатом. Все его помыслы теперь вертелись вокруг Ми Юньцзиня, так что он совершенно потерял счет времени.

Заметив, как тот вносит в комнату жестяную коробку с печеньем, он восторженно вскрикнул.

— Соседка принесла?

— Да, — улыбнулся Ми Юньцзинь. — Удивительно милое дитя.

Ми Юньцзинь бережно достал фигурку в виде кролика.

Глядя, с каким детским восторгом тот разглядывает выпечку, У Вань не удержался от вопроса:

— Тебе действительно так нравятся подобные мелочи?

Ми Юньцзинь посмотрел на него в упор.

— А разве это не забавно?

У Вань осенило: Ми Юньцзинь никогда раньше не видел ничего подобного. Он всю свою бесконечную жизнь провел в далеком прошлом, затерянный среди бескрайней, безмолвной пустыни.

У Вань прикусил губу и пристально всмотрелся в его лицо.

— Ты хочешь выйти наружу?

Ему вспомнились их прошлые разговоры. Ми Юньцзинь без конца расспрашивал о том, как устроен внешний мир, каков он на вкус и цвет, но сам при этом ни на шаг не покидал стен этой виллы, преданно оберегая своего подопечного.

Вместо ответа Ми Юньцзинь бережно отложил кролика на стол и мягко спросил:

— А ты сам этого хочешь?

В последнее время У Вань отваживался доходить лишь до аллеи перед домом. Но теперь, глядя в эти бездонные золотые глаза, он вдруг почувствовал, как прежний панический страх перед внешним миром бесследно исчезает.

— Хочу.

Ми Юньцзинь тепло улыбнулся.

— Тогда давай совершим эту прогулку.

Сердце У Ваньи забилося в сумасшедшем ритме. Глядя на удаляющуюся спину Ми Юньцзиня, он вдруг выпалил, повинувшись какому-то непреодолимому порыву:

— Каким ты видишь меня? Кто я в твоих глазах?

После этих слов грудную клетку сдавило от бешеного стука пульса.

Ми Юньцзинь замер и медленно обернулся.

У Ваньи стоял у самого порога в багровых отсветах заката. Огненный диск солнца медленно тонул за его спиной. Он не отвел взгляда, продолжая прямо смотреть в глаза своего хранителя.

Ми Юньцзинь бывал безмятежен и кроток, но никогда — фальшив.

Он молча изучал черты лица У Ваньи. И в этот миг в его золотых глазах отразилось нечто совершенно иное. То была не всепрощающая любовь ко всему сущему, а нечто глубоко личное, живое и осязаемое — чувство, предназначавшееся лишь одному человеку.

— Ты — единственный в своем роде, — мягко произнес он и повернулся, чтобы уйти.

У Ваньи так и остался стоять на пороге, затерянный в собственных мыслях.

Лишь когда последние лучи погасли за вершинами гор, он опустил взгляд и медленно прижал ладонь к груди, чувствуя, как под ребрами гулко и уверенно бьется обновленное сердце.

Поздним вечером У Ваньи стоял перед зеркалом в ванной, замороженно разглядывая отметину на своем животе.

Золотисто-красный узор теперь отчетливо напоминал цветок. Пышные, чувственные лепестки распускались вокруг пупка, а тонкий стебель уходил ниже, скрываясь за линией белья. Выглядело это завораживающе и пугающе красиво.

— Кхм... — со стоном У Ваньи согнулся пополам, прижимая ладони к животу. На лбу мгновенно выступила холодная испарина.

Казалось, скрытое внутри семя пошло в бурный рост, лихорадочно стремясь распуститься наружу.

Боль была невыносимой.

Эта внезапная судорога оказалась свирепее любого недуга, терзавшего его тело прежде. У Ваньи судорожно вцепился пальцами в кафель стены, но пальцы соскользнули, и он медленно осел на пол.

Боль сковала легкие, лишая возможности сделать вдох.

«Почему так больно?.. Господи, откуда эта мука?»

Из его горла вырвался тихий, прерывистый хрип:

— Ми Юньцзинь!..

Дверь мгновенно распахнулась. Сильные руки бережно подняли его с холодного пола, укутывая в мягкое полотенце.

У Ваньи задышался, его губы побелели от муки. Не успели они добраться до постели, как Ми Юньцзинь властно прильнул к его губам.

В затуманенном болью разуме вспыхнула единственная мысль: «Спасение». Стоило губам Ми Юньцзиня коснуться его рта, как У Ваньи судорожно приоткрыл губы, подаваясь навстречу.

Ми Юньцзинь лишь приоткрыл веки, позволяя исступленно терзать себя.

Рваное, частое дыхание смешивалось с влажными звуками поцелуя. Закинув голову, У Ваньи жадно сглатывал поступающую влагу. Он ласкал чужие губы, настойчиво проникая языком глубже, стремясь забрать всё до единой капли.

Ми Юньцзинь неотрывно смотрел на обезумевшего от боли юношу. Наконец он приоткрыл алые губы и протолкнул в его рот еще больше пряного нектара, отдающего металлическим привкусом собственной крови.

Между их разомкнувшимися на миг губами натянулась тонкая багровая нить — цена, которую Ми Юньцзинь платил за его жизнь.

Мучения У Ваньи утихли. Дрожь унялась, а режущая боль внизу живота начала постепенно отступать.

Сознание медленно возвращалось к нему. Разомкнув веки, он натолкнулся на пристальный взгляд золотых глаз и едва не захлебнулся в них снова.

Ми Юньцзинь нехотя отстранился. Его голос прозвучал приглушенно и хрипло:

— Всё еще больно?

У Ваньши поспешно отвел глаза, но тут же вновь обернулся к нему.

— Нет.

Боль ушла, сменившись странным, глубоким чувством насыщения.

Скрытое в его теле семя, получив долгожданную влагу, трепетало от сокрушительной сытости.

Он опустил взгляд и потрясенно замер. На его животе, у самого пупка, проступили очертания набухшего, готового раскрыться бутона.

«Как оно могло вырасти так быстро?»

Ведь еще вчера там едва угадывался крошечный зеленый росток.

До сегодняшнего дня, благодаря неусыпной заботе Ми Юньцзиня, У Ваньши чувствовал лишь легкое покалывание. С подобной яростной мукой он столкнулся впервые.

— Скоро... Оно вот-вот распустится, — тихо прошептал Ми Юньцзинь.

Глядя на сосредоточенную, нежную радость в его глазах, У Ваньши почувствовал, как к сердцу подбирается липкий страх.

Ми Юньцзинь когда-то обмолвился, что У Ваньши суждено стать его пестиком.

Стоит бутону распуститься, как его тело созреет для слияния. И тогда...

Дыхание У Ваньши сбилось. Он смотрел на длинные, изящные пальцы, скользившие по его животу, и крупно дрожал. Когда ладонь опустилась ниже, он вздрогнул, резко натянул покрывало до самого подбородка и отвернулся.

Ми Юньцзинь замер. Посмотрев на упрямо сжатые губы юноши и его покрасневшую шею, он что-то понял. В его глазах мелькнул странный блеск, и он медленно убрал руку.

У Ваньши прикрыл глаза. Сладкий зуд внизу живота превратился в обжигающий жар, перехвативший горло.

Они молчали, но воздух в комнате сделался густым и невыносимо горячим.

У Ваньи всегда считал себя человеком скучным. Его ничто не увлекало, у него не было увлечений или привязанностей. Но сейчас он впервые ощутил горькое бессилие от собственной посредственности.

Они шли по оживленной, гудящей улице. У Ваньи то и дело косился на лицо идущего рядом Ми Юньцзиня.

— Тут слишком шумно? — негромко спросил он.

Грохот проезжающих машин, зазывающая музыка из магазинов и бесконечный гул толпы сливались в единый удушающий хаос мегаполиса. И среди этого безумия меньше всего было слышно живых голосов — лишь безмолвные фигуры с опущенными к телефонам лицами торопливо проносились мимо.

Ми Юньцзинь повернулся к нему с кроткой улыбкой:

— Нет, совсем нет.

Как могло быть иначе?

У Ваньи смотрел на вонзающиеся в небо башни из стекла и бетона, на людские потоки у перекрестков, напоминающие суетливых муравьев, и чувствовал, как этот рев лишает его кислорода. Душная, давящая тревога железной хваткой сжала его грудь. Его взор потемнел, а лицо застыло каменной маской.

Вдруг его пальцев коснулось тепло — Ми Юньцзинь крепко взял его за руку.

— Мне кажется, здесь очень красиво и шумно по-хорошему, — ласково произнес он. — Слышишь? Они смеются.

У Ваньи проследил за его взглядом. На противоположной стороне улицы, ожидая зеленого сигнала светофора, веселая стайка студентов беззаботно смеялась, шурясь от яркого солнца.

Ми Юньцзинь осторожно прижал ладони к его ушам, отсекая лишний шум.

— Теперь слышишь?

Весь городской рев разом смолк, отступив на задний план. У Ваньи смотрел на искренние, смеющиеся лица напротив, и его дыхание постепенно выравнилось.

— Да.

Слышу.

Он стоял как громом пораженный. Из серой, безликой массы вдруг начали проступать живые краски: ребенок, восторженно сжимающий в кулачке воздушный шар; юноша с букетом роз, застывший в трепетном ожидании; подруги, шагающие под руку и заливисто хохочущие над какой-то шуткой.

И еще...

У Ваньи обернулся и встретил сияющий, нежный взгляд Ми Юньцзиня.

Напряжение окончательно отпустило его, и губы сами собой дрогнули в робкой улыбке.

Но в ту же секунду в волосах мужчины снова тускло блеснула серебряная нить.

У Ваньи замер, не успев осознать увиденное, как Ми Юньцзинь потянул его за собой:

— Покажи мне те дороги, по которым ты ходил раньше. Проведи меня по ним.

У Ваньи посмотрел на их переплетенные пальцы, затем — на безмятежную улыбку своего спутника. Весь его мир сузился до этого невероятного существа.

— Хорошо.

Его горло сжалось от подступившего волнения. Он крепче сжал теплую ладонь Ми Юньцзиня и сделал шаг вперед.

<http://bllate.org/book/20309/2213817>